

Литературная премия «Ясная Поляна» — одна из самых крупных в стране. Тут речь не только о сумме (в номинации «Современная русская проза» победителю вручается три миллиона, попавшим в короткий список — по миллиону, спасибо корейским партнерам). Просто позиционирует себя премия как связанная с русской классикой прямо-таки генетически — не случайно ее курирует один их «тех самых», «яснополянских» Толстых. А классика — это самое крупное, что только может быть в литературе. И хотелось бы видеть среди победителей тех, кто не просто поддерживает некий «уровень» мастерства. А тех, кто связан с Россией корневым образом. Кто — наш, не «международный». В конце концов, тех, кого несправедливо обошли другие премиальные жюри.

Увы, в этом году «Ясная Поляна» разочаровала. Начать с того, что короткий список премии «Ясная поляна» в номинации «Современная русская проза» во многом повторил короткий список

«Большой книги». Судите сами: из шести книг в шорт-листе вроде бы конкурирующего конкурса «засветились» три! Это «Чуров и Чурбанов» Ксении Букши, «Не кормите и не трогайте пеликанов» Андрея Аствацурова, «Сияние "жеможаха"» Софии Синицкой. Полагаю, дело отчасти в том, что роман прошлогоднего лауреата «Ясной Поляны» Сергея Самсонова «Держаться за землю» вызвал очень неоднозначную реакцию. Вплоть до обвинения в графомании — что напрямую касается авторитета солидной премии. Чтобы такого не было нынче, книги за премию боролись «нормальные», «проверенные»... Еще: четыре из шести книг шорт-листа издано в самой престижной сегодня «Редакции Елены Шубиной». С точки зрения читателя, ожидающего все же разнообразия, а не перетасовывания одной и той же колоды, такое положение дел скорее минус. Тем более что о каких-то особых достоинствах финалистов крупных литературных премий говорить сложно....

Мы сделали обзор всех художественных произведений, вошедших в шорт-лист современной отечественной прозы (нон-фикшн остался вне поля нашего зрения).

Оно пишется само

Ксения Букша. Чуров и Чурбанов.

М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020

Ксения Букша наделена счастливым даром писать на профессиональном уровне с самой ранней юности. Пока ее сверстники все еще ходят в молодых авторах, петербургская писательница — уже автор множества разнообразных книг, отмеченных и критиками, и премиями (и вот в этом году сразу два шорт-листа крупнейших премий). Я сказал, что Букша — автор «разнообразных книг», но это не совсем так. Вот, к примеру, биография Малевича и роман «Завод "Свобода"» — совсем разные по жанру вещи, но написаны с использованием одних и тех же приемов, одним и тем же стилем. Как и другие вещи автора. Профессиональный уровень исполнения играет с Букшей в плохие игры — кажется,

что новые книги пишутся уже сами по себе. Помните, литературный анекдот про Бальмонта и его пишущую машинку, которая отстукивала сотни и сотни однообразных строчек в отсутствии автора? Вот «Чуров и Чурбанов», кажется, написан именно так, неким текст-процессором, в который заложены основные (и неизменные) приемы и стилевые особенности Букши. Конечно, этого мало — в таком процессоре должно быть запрограммировано ее литературное мировоззрение, «мягкий модернизм» в изводе женской прозы. Такого рода вещи охотно печатал журнал «Юность» в начале 80-х. Ранняя Дина Рубина, Галина Щербакова и т. п. Разве что у Букши немного более жестко и изобретательно, с фантастическими элементами. По нынешней моде.

Согласно фантастическому допущению автора, два заглавных персонажа (некогда одноклассники, потом студенты-медики) оказываются крепко связанными между собой, так сказать, скованными одной цепью. На уровне (буквально) сердечного ритма, то есть судьбы. Один из них — сильно положительный. Другой — не очень. Один — совсем интеллигент, другой — интеллигент, так сказать, заблудший. Ничем хорошим, конечно, кончиться это не может. Да и жить в этой стране как-то невесело, господа. Атмосферы добавляет узнаваемый (и поэтому легко продающийся публике) мрачноватый питерский колорит.

По поводу основной идеи — ничем не объяснимой, парадоксальной, трагической связи двух совсем разных людей — нельзя не вспомнить маканинскую притчу про Ключарева и Алимущкина, да и, собственно, много чего еще. Букша пишет широкими мазками, не стесняясь брать свое там, где она его увидит, — что в сюжете, что в стиле. Сюжет, как обычно у Букши, является слабым местом, поэтому для укрепления конструкции приходится дробить повествование на мелкие отрезки. Я даже допускаю, что нарезанные кусочки могли быть соединены по принципу жребия, случайно. Ну, собственно, и что с того? Этот прием не более и не менее содержателен, чем другие приемы автора этой игровой прозы. В книге вообще немало привлекательного для многих читателей авторского произвола — как захочу, так и заверну, невзирая на правдоподобие и логику. Игра все стерпит.

Читать в целом любопытно, как, например, наблюдать за чем-то заведомо бесполезным, но увлекательным — жонглированием теннисными мячиками, например. Возможно, для лучшего эффекта они могут быть даже кубической формы.

Это Питер, детка

Андрей Аствацатуров. Не кормите и не трогайте пеликанов. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019

Не до конца объяснимый для меня факт: для многих молодых провинциалов именно Санкт-Петербург обладает какой-то мощной притягательной силой. Только из моих барнаульских знакомых в Питер мигрировало человек 30. Вот мечтающим о «северной столице» книгу Аствацатурова можно было бы рекомендовать.

Не потому, что она разоблачает Питер. Совсем наоборот. Она — о его красе и гордости, университетских интеллигентах. Питерский филолог (специалист по западной литературе) и организатор культурной деятельности (директор музея Набокова) Андрей Аствацатуров, он же внук легендарного академика Жирмунского, много лет пишет одну книгу. Все началось с премиальных «Людей в голом», этакого сборника заметок и «виньеток» о питерской интеллигенции, точнее — о симпатичных (и не очень) невротиках из университетских филологических кругов. Дальше было о том же и тех же, но немного иначе по технологии — как будто бы автор пытался собрать разбегающиеся сцены в некое хотя бы подобие романной структуры («Скунскамера», «Осень в карманах»). Получалось не очень, не вышло и в этот раз. Но рецензируемая книга все же больше похожа на роман, чем все предыдущие. Как видно, за это и попала в короткий список «Ясной Поляны».

Ну, то есть «классический» прозаик сначала собирает заметки из записной книжки, потом на их ли основе или просто «из головы» создает романную конструкцию. Отвергает один вариант, другой, создает новую редакцию, еще одну... наконец, представляет результат публике. Аствацатуров все эти этапы демонстрирует публично, спеша печатать написанное. Эдакий скелетон

(от английского skeleton — каркас) — конструкция, демонстрирующая нам свои внутренности, хотим мы этого или не хотим. Причем «Пеликаны...» — это тоже промежуточная часть пути, потому что как готовый, законченный романский продукт книга все же не состоялась.

Не слишком помогло введение в книгу детективной линии. Лондон, гангстеры, роковая женщина, секс с незнакомками, наркотики... Как будто сон главного героя-повествователя (совпадающего с автором по многим активно демонстрируемым параметрам — ну, старая игра). Будто бы «ботанику» приснилось, что он стал героем бондианы. Эта линия тут совершенно отдельна, она прерывается резко, и возврата к ней нет. Сон развеялся. Полагаю, мы стали свидетелями одной из проб, произведенных в авторской мастерской — и справедливо признанных неудачными.

Далее книга возвращается на привычные рельсы. Интриги на филологическом факультете, выживание бедных во всех смыслах интеллигентов, вообще мелочи и реалии ушедшей эпохи (действие происходит в начале 2000-х). В «эпизодах» появляются хорошо известные и вполне реальные люди вроде легендарного критика-скандалиста Виктора Топорова. Плюс неизменный питерский колорит, будто пропитавший все мысли и поступки героев, сделавших их пасмурными и унылыми. Эткими пеликанами, нелепыми с виду и малоприспособленными к городской жизни. Ну, впрочем, общая атмосфера сдержанного оптимизма сохраняется. И хорошо, а то бы совсем читать стало невмоготу.

Текст, как можно уже представить, очень «культурный». К счастью, цитатами и нарочитыми заимствованиями не перенасыщен. Читается ровно. Вот цитата — одна из многочисленных зарисовок окружающей реальности. На этот раз получение багажа в аэропорту. «Вещи начинают появляться. Чемоданы, сумки на все вкусы: красные, черные, лиловые, матерчатые, кожаные, пластиковые. Некоторые выглядят пожившими, потасканными, порочными: они полураскрыты, будто полуодеты; другие, напротив, похожи на невинных новорожденных и запеленуты несколькими слоями полиэтилена. Резко вздрагиваю, будто от сильного укуса. Вот он, мой чемоданчик. Зеленый, слегка обшарпанный, округлившийся от напиханных в него вещей и весь в наклейках.

Отвожу взгляд. А чемоданчик продолжает ехать на меня, тихо, угрожающе, неповоротливо, как крейсер, как строгий и тучный профессор Рейсер, обнаруживший в коридоре института студента-прогульщика. В голове вдруг ни с того ни с сего начинает звенеть блатная мелодия "А поезд тихо ехал на Бердичев".

Книга Аствацатурова — это такой Вуди Аллен, отягощенный филологической рефлексией, климатом (это вам не Нью-Йорк) и лишенный 90 процентов своего юмора. То есть, повторю, никакой не роман, а разрозненные, сшитые вместе на живую нитку истории из жизни интеллигентного невротика, не лишенного, впрочем, самоиронии. С чем автор угадал, так это с аудиторией — книги у нас читают, похоже, те, кто с героем вполне может идентифицироваться... Повторю: интеллигентным провинциалам прочитать стоит. Всем остальным книга горячо не рекомендуется.

В петербургском буераке

София Сеницкая. Сияние «жеможаха».

Спб, Лимбус-пресс, 2020

Из этих шестерых авторов короткого списка, то есть финалистов «Ясной Поляны», трое питерских. С вполне себе питерскими текстами. Ксения Букша и Андрей Аствацатуров своими книгами воплощают, так сказать, фирменную интеллектуальность, а отчасти и выморочность. София Сеницкая — другую сторону питерской медали (или модели): юродивость, бормотание, хихиканье и пришепетыванье. Название-то чего стоит: «жеможаха»! Жеможаха и есть.

За несколько последних лет короткие повести Сеницкой, собранные в тонкие сборники (нередко кочующие из одной книги в другую), уже удостоились кое-каких регалий. Премии имени Гоголя. Номинации на премию НОС. Нынешний сезон и вовсе принес номинацию на «Национальный бестселлер» и шорт «Поляны». Прием автора однообразен, но прост и доступен публике: писать о вещах суровых, трагических («большой террор», война, блокада) в стиле кукольного раешника. В одной из повестей сборника

Синицкой речь прямо идет о кукольнице, попадающем в ГУЛАГ (и сравнительно неплохо там — по крайней мере, на какое-то время — устроившемся). Так сказать, нам показывают, как снимать трагедию смехом. А я вот вижу, что не смехом, а хихиканьем.

С точки зрения идеологии, тут не Гоголь и не Андрей Белый, тут другой питерский герой — Алексей Ремизов. С его мелкими бесенятами, добровольным юродством, декадентским эпатажем под скоморошьей маской. В общем, с тотальным отсутствием положительного идеала. Все плохо — так хоть похихикаем в своем уединенном питерском буераке. Само слово «жеможаха» — это искаженный фрагмент православного текста, причем взятый в таком виде у Салтыкова-Щедрина («Пошехонская старина»). Такое двойное искажение канона — это яркий символ текста, в котором с людьми соседствуют плохие и хорошие зомби, мертвецы, колдуны, куклы, зверюды и прочие.

Автор в своем искаженном мире обитает, как видно, с удовольствием, ему нравится придумывать новые невероятные ситуации, повороты своих историй. Стиль, конечно, несамостоятелен, такое мы читали много раз — впрочем, Синицкая пишет аккуратно, стараясь не заигрывать (от этого немного по-школьному). С другой стороны, смешать Михаила Веллера (неплохого, как ни крути, рассказчика) с его «Легендами Невского проспекта» с неканоническим «Патериком» Майи Кучерской и современной сказовой литературой (например, Сашей Николаенко) — это еще умудриться надо.

В итоге смесительного упрощения получается какой-то стиль фанфика — причем фанфика на все разом. Вот, например, про удава, помогающего жителям блокадного Ленинграда, и самих жителей. «Крупов оценил крысобоя Машеньку, осторожно гладил ее по хвосту (чешуйка к чешуйке), пропилил для нее дырку в кухонной двери, как для кошки. Наевшись с девочками каши с салом, вытягивал ноги, закрывал глаза и засыпал; удав тихо ползал вокруг ведущего инженера, раздвоенным черным язычком пробовал его наручные часы с кожаным ремешком и двумя циферблатами. Проснувшись ночью, Крупов видел, что Маруся дремлет у него под боком, а мать ее при свете керосинки читает книжку и курит трубку. Крупов принимался жарко обнимать

Анну Гермогеновну, тащил ее в комнату к голубям, там была железная кровать на колесиках. Несмотря на холод, пламя его страсти разгоралось сильнее, он наваливался на Аню, с хрипом мягко кусал ее плечи и шею. Встревоженные голуби били крыльями и взлетали под потолок, Машенька, недовольная всей этой возней, раздраженно шипела и уползала синим чулком прочь. Вера Сергеевна, лежа в пальто в кровати, с распахнутыми глазами прислушивалась к стуку колес над головой и думала про высшую коммунистическую справедливость».

А может быть, упрекать автора в злонамеренности и не стоит (хотя лично меня такие вольности, такая веселенькая бесовщина, да, царапает). Может, перед нами представитель бесхитростного жанра mashup, одно время популярного на Западе. Ну, это где «Гордость и предубеждение и зомби», или «Авраам Линкольн: охотник на вампиров». «Мешка» классической литературы или подлинных исторических фактов с фантастическими выдумками. Жанр, созданный на потеху, знающий, в общем, свое место. Прием здесь тот же. В истории, о которых писали суровые реалисты, насажать всякой нечисти. Вроде и прикол, а вроде и на обобщение тянет. Сойдет, так сказать, за вольность художника. Ну, в первый, что ли, раз забава для умненьких старшеклассниц приносит премиальные успехи.

Смотреть, как умирают дети

Саша Филипенко. Возвращение в Острог.

М.: Время, 2019

Книга Саши Филипенко не просто оказалась в шорт-листе премии «Ясная Поляна», но и была отмечена публикой. Это все неприятно. Бог с ней, с публикой, но вот вроде именно эта премия в симпатии к подобного толка сочинениям — скверным анекдотам либерально-оппозиционного толка — замечена не была. «Большая книга» Филипенко уже привечала. 36-летний Саша (именно так он предпочитает себя называть) побывал сценаристом комедийных шоу на Первом канале, потом работал

на «Дожде» в паре с Павлом Лобковым, а параллельно легким пером накатал несколько книжек в фельетонно-комиксовом духе. Их ориентация беспримесно-либеральная; особенно показателен роман «Травля» про пострадавшего от властей и их клеветов светлого, глубоко рукопожатного человека. Между прочим, имели эти книжки и награды, добивались и до короткого списка «Большой книги». Теперь вот и «Ясная Поляна» пала.

Я говорю про «легкое перо», характеризуя творческую манеру автора. Его книги, в частности рецензируемая, написаны а-ля сценарий телевизионного шоу, ну или телесериал (иногда автор и сознательно этим бравитурет — например, вводя в текст «содержание предыдущих серий»). Короткие фразы. Яркие картинки. Афористичные высказывания. Простые, но эффектные метафоры. Говорю ж, своего рода комиксы. Сразу вспоминается манера молодого питерца Кирилла Рябова, который, кроме этой манеры, с Филипенко не схож ни в чем, а во многом — и идейно, и эстетически — противоположен (и слава богу).

Дело здесь происходит в глухом провинциальном городе Остроге, который, само собой, кошмарен. Филиал ада на земле, ну, чего еще ждать от немой России. Грязь, неустройство. Изощренно пытающие подозреваемых местные менты (пытки описаны крайне тщательно и подробно). Но уж совсем плохо дело обстоит в местном детдоме, где дети один за другим кончают жизнь самоубийством. Распутывать дело прибывает следователь-неудачник по фамилии Козлов, отягощенный личными проблемами. В общем, все мрачно. И это ни разу не детектив, а скорее садистский фельетон с «абличительным» уклоном.

Все бы оно ничего. Вряд ли стоило ожидать иного и от Филипенко, и от прочих деятелей «Дождя» (а они любят изображать из себя писателей). Но на кой черт он пишет о смерти детей? Строчит свой фельетон над свежими могилами детдомовцев? Изобретает подробности их смертей, смачно описывает детали и обстоятельства. Кстати, причина самоубийств одна: дети побывали за границей, благодаря местному меценату (ну конечно же, впоследствии посаженному режимом в тюрьму), и не смогли вынести возвращения к гнусной реальности. Экая, слушайте, дрянь.

Вот пример авторского стиля. Написано бойко. «Возле общежития припаркована битая «девятка», и в ее тонированных стеклах отражается местная агора — отделанный сайдингом мини-маркет. Рядом со входом висит афиша предстоящих матчей острожского «Шанса». Козлов переступает через хребет замерзшей грязи и идет вдоль заборов, поверх которых наклеена одна и та же аккуратно выписанная от руки реклама: «Качественный солярий без последствий». То и дело под ногами оказывается какой-нибудь мусор, пачки сигарет, упаковки таблеток. Даже заложенный нос улавливает запах сероводорода.

"Край мира, — вновь думает Козлов, — обрыв земли".

Запрос на социальную прозу сегодня велик и среди профессионального сообщества (критики, члены жюри литпремий), и среди читателей. Однако примеров хорошей прозы, авторы которой всерьез беспокоились бы за происходящее в стране, мы практически не видим. Получается или публицистика (это в самом лучшем случае), или вот такие, как у Филипенко, оппозиционные «жестокое романсы». Мне могут возразить — мол, он искренне переживает за судьбы описываемых детей-самоубийц, это, мол, сарказм сквозь слезы... Да полноте! У новейших фельетонистов, кажется, отсутствует орган, позволяющий переживать за что-либо, кроме своего успеха. Но дети-то, дети-то при чем?

Ногти-бусики, или Гимн интеллигенции

*Евгений Чижов. Собиратель рая.
М, Редакция Елены Шубиной, 2019*

Ну и вот вам — победитель. Роман об интеллигенции. Защищающий ее, бедненькую, поющий ей хвалу. Делающий это и фальшиво, и неуместно.

Евгению Чижову за 50; его предыдущая книга «Перевод с подстрочника» прошла неплохо, отмечена наградами, получила поклонников (мне по стилистике и внутренней механике она чем-то напомнила каверинскую «Два капитана» — «культурный»,

усредненный стиль, действие скучновато, но приключенческая линия «вытаскивает» книгу).

С «Собирателем рая» сложнее. Очень уж сильна авторская претензия на то, чтобы создать гимн униженно-оскорбленной интеллигенции. Да уж и насколько она унижена-оскорблена? Герои живут в столице, жилплощадью обеспечены, мягко говоря, не голодают, все по ресторанам да клубам. Финал книги вообще происходит в Нью-Йорке, по которому герои запросто разгуливают в течение нескольких месяцев. А что работать «как все», иметь профессию не хотят (именно так: не хотят!) — ну так это их проблемы.

Как ей и положено, интеллигенция страдает, мечется, не находит себя, сходит с ума, умирает... Все красиво и очень «культурно». Лирично. Никакой чернухи и мерзостей жизни, натурализма и вызова общественной нравственности. Даже гибнут настоящие интеллигенты не иначе как от рук гопников! Ведя при этом длинные разговоры между собой — о философии времени, конечно!

«— Меня еще вот что удивляет: о прошлом ведь, по идее, старики должны думать, которые до будущего все равно не дотянут, будущее — оно для молодых. Так нет же, теперь молодые ностальгируют по временам, когда их еще и в помине не было!

— Всякий человек в конце концов выпадает из своего времени, — меланхолично произнес Король (главный герой — М. Г.), — кто раньше, кто позже. Если только прежде этого не выпадает из жизни. Может, уж лучше заранее... подстелить, так сказать, соломки...

— Я это только тем объясняю, что все наше будущее осталось в прошлом. И чтобы вновь открыть для себя будущее, надо сперва вернуться назад».

Не правда ли, звучит все это и нудно, и банально. И вот так на ДЕСЯТКАХ СТРАНИЦ подряд! (Благо, книга не очень большая — одолеете всего 300 страниц и забудете все эти разговоры и тех, кто их ведет, навсегда).

Да, как-то подзабылось, что в начале 90-х именно интеллигенция выдвинула из своих рядов целую плеяду таких, прости господи, деятелей как член-корреспондент АН СССР Березовский. Или артист оригинального жанра Гусинский. Или целая толпа

младших научных сотрудников во главе с Чубайсом. После этого от старой советской интеллигенции остались уж точно рожки да ножки (да и те пошли на холодец).

Позвольте напомнить банальную цитату. А.П. Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». Это написано в письме знакомому, который жаловался на обиды от разбогатевших интеллигентов — вроде свой брат, а как дерет... Так и дерет по-свойски. Какой-нибудь любитель парадоксов тут же припомнит высказывание В. И. Ленина насчет того, что интеллигенция — не на букву «м», а на букву «г». Но это «совпадение», конечно, просто вздор. Ведь дальше Чехов пишет: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало». Ленин верил совсем в другое...

Люди, с их личным (а не «партийным» или «классовым») трезвым взглядом на мир, с их личными, а не коллективными свершениями и талантами — вот самое интересное что в чеховское время, что сегодня.

И еще одно фольклорное высказывание, приписываемое много кому, тому же Чехову (ошибочно): «Я не интеллигент, я профессию имею». У Чижова этим даже не пахнет. Герои — профессиональные мечтатели, демагоги и никчемные для общества люди.

Вернемся к роману. Престарелая героиня, Марина Львовна, заболевая болезнью Альцгеймера, сначала путается в датах и годах, а затем и вовсе теряет, забывает этот мир. Ее сын по кличке Король — знаменитый в своих кругах старьевщик. Он покупает на барахолках старье, коллекционирует и перепродает его. То есть пытается остановить, зафиксировать Время в его состоянии не сегодняшнем, но вчерашнем. Прошлое кажется ему куда более привлекательным. Отсюда, собственно, и название. Безуспешная, но трогательная попытка собрать, оставить при себе Рай Минувшего — вот чем занят интеллигентный до мозга костей неудачник Король. «Весь его собирательский азарт был направлен... на вещи заурядные, ширпотребные,

которые никто подолгу не хранил, поэтому уцелеть они могли лишь случайно, забытые в темных углах кладовок или антресолей. Вся их ценность заключалась в накопленном ими времени и в аромате эпохи, сохранявшемся в них гораздо лучше, чем в антиквариате. Кирилл любил утилитарные вещи, утратившие свое назначение и смысл, и приносил домой вороха навеки вышедшей из моды одежды, монеты исчезнувших государств, марки давно не существующих стран, кокарды разбитых армий, погоны без шинелей, пуговицы без кителей. Он обладал одной из крупнейших в Москве коллекций трамвайных билетов, представительным собранием печатных машинок, бесчисленным количеством переживших своих хозяев шляп, зонтов и прогулочных тростей, с которыми часто появлялся на рынке, а иногда, под настроение, и на улицах».

Красиво сказано! Автор откровенно любит перверсивной страстью своего героя. Кажется, и правда не замечая, насколько она двусмысленна. «Японский блогер, решивший удивить возлюбленную, на протяжении года собирал обрезки ногтей, поместил их в блендер, затем засыпал получившуюся смесь в кофемолку. После этого он смешал порошок с водой и поместил в духовку на полтора часа. Далее японец уложил темную субстанцию в специальную формочку. После застывания он отшлифовал так называемый бриллиант и вставил его в серебряное кольцо, которое также сам изготовил». Это уже из текущей хроники. Не тем ли занят и Король?

В романе Чицова происходит непрерывное самопознание интеллигенции средней руки, опрокинутое в ретроспекцию и заведомо обреченное на неудачу. Герои рефлексируют дни и ночи, бродя по Москве и Нью-Йорку. По многим приметам это такая пост-трифоновская проза. Увы, далеко не Трифонов. У героев «Обмена» или «Дома на набережной» прошлое все-таки было, и были, значит, шансы его «собрать». Здесь персонажам в этом отказано. Нет ни прошлого, ни настоящего. Время сошло с ума, запуталось само, запутало героев — да и автора, кажется. Чицову не хватает авторской воли — расставить четко акценты. Вообще, открыто высказаться — прямо ли, посредством ли героев. Все какие-то сомнительные полутона да околичности...

В книге нет главного: писательского темперамента, умения увлечь, заинтересовать читателя. Вся конструкция романа выглядит вялой, слабенькой и надуманной. Как, повторю, и диалоги — очевидно, дар Чижова более изобразительного, «поэтического» свойства. Романный свод он удержать не может.

Герои и сами фабульные повороты настолько подчинены авторским идеям, настолько картонны и неестественны, что это даже кажется авторским замыслом: устроить парад марионеток. Но скорее, это все же авторская слабость. Единственно, что по-настоящему и страшно, и убедительно, это подробнейше описанные симптомы болезни Альцгеймера. Будто только они списаны с натуры, а остальное примыслено к ним.

«Если бы Кирилл отыскал ее еще на час позже, мать бы всю занесло снегом, и скорее всего, даже не заметив этого, Марина Львовна могла бы превратиться в один большой сугроб. «Тут очень красиво», — виновато сказала мать так, как если бы это нелепое, беспомощное «красиво» было оправданием, разом снимающим все вопросы. Он резко дернул ее за руку, точно надеялся этим рывком вернуть ее в чувство, и, ни слова больше не говоря, потащил за собой к дому. «Я иду, иду, — говорила Марина Львовна, — не нужно меня так тянуть!» Но Кирилл специально шел большими шагами, чуть не выдирая ей ладонь из запястья, чтобы она едва за ним поспевала, задыхалась и с шумом отдувалась на ходу, — должен же он был хоть как-то ее наказать!»

Героиня заболевает по-настоящему — она и вправду теперь отдельна от мира, асинхронна с ним; остальные герои имитируют болезнь, загоняя себя в хронорезервацию при полном одобрении автора. Думаю, он полагает, что интеллигенции следует жить «отдельно», иначе ее затопчут и уничтожат.

Между тем, это замкнутое сообщество наиболее опасно именно само для себя. В среде эскапизма и самолюбования вырастает социальная плесень — проходили такое не раз. Вот, кстати, чего еще не было в нашем общественном пространстве, во многом подстраиваемом под пространство советское, это полномасштабной дискуссии о роли интеллигенции в Истории Цивилизации. Роман Чижова мог бы стать серьезной репликой «за»! (Это шутка, кто не понял...)

В общем, с «Собирателем Рая» случай известный: талантливый писатель пал жертвой своей «предустановки» на идеологический роман и испортил книгу. (Впрочем, жюри «Ясной Поляны», как мы поняли, считает иначе). С другой стороны, в нынешней русской прозе модно изображать brutальных персонажей, хвалиться своим крутым опытом, в крайнем случае, хулиганским детством (привирать при этом тоже). Про свою принадлежность к интеллигенции наши писатели вспоминать словно стесняются. Скоро будут стесняться этого и читатели. Спасибо Чижову хотя бы за попытку напомнить: братцы, все мы интеллигенты. Но, надеюсь, все же не такие, как в книге. Ибо с чижовскими ни гулять, ни трепаться попусту, ни собирать ногти-бусики что-то не тянет.